

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

СБОРНИКИ ПО ВОПРОСАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Плодотворное развитие такой области языкознания, как история русского языка, невозможно без расширения ее научной базы. Начиная с 50-х годов остро ощущалась недостаточность лингвистических исследований на материале письменных источников. Установление хронологических и территориальных границ явлений, важных в истории языка, упиралось в то, что круг памятников письменности, введенный в научный оборот в XIX — первой четверти XX в., был по существу исчерпан. Требовалось расширение источниковедческой базы, в том числе памятниками XVI—XVIII вв., относящихся к сфере деловой письменности. С этой целью в 1958 г. в Институте русского языка АН СССР был организован сектор библиографии, источниковедения и издания памятников (позднее — сектор лингвистического источниковедения и исследования памятников). Работу возглавил С. И. Котков. Сложность задач, поставленных перед сектором, усугублялась тем, что традиция лингвистических изданий оказалась прерванной. Для восстановления ее предстояло решить ряд вопросов: 1) определить отношение языкознания к источниковедению; 2) разработать типы и принципы лингвистических публикаций; 3) определить основные направления археографических изысканий. В задачу сектора входило также способствовать дальнейшему развитию палеографии.

Эти задачи нашли то или иное решение в шести сборниках, выпущенных сектором за время с 1963 по 1969 г.: «Лингвистическое источниковедение», М., 1963 (далее — № 1), «Исследования по лингвистическому источниковедению», М., 1963 (далее — № 2), «Источниковедение и история русского языка», М., 1964 (далее — № 3), «Исследования источников по истории русского языка и письменности», М., 1966 (далее — № 4), «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка», М., 1967 (далее — № 5), «Изучение русского языка и источниковедение», М., 1969 (далее — № 6).

Остановиться здесь на всех 82 статьях 50 авторов нет возможности. За предела-

ми обзора остаются статьи, касающиеся истории развития отдельных сторон языка, статьи, связанные с кирилло-мефодиевской проблематикой, публикации небольших по объему древнерусских текстов XV—XVIII вв., а также обзоры зарубежных публикаций и описаний русских рукописей. Центром нашего внимания являются прежде всего статьи, в которых нашли то или иное решение названные выше вопросы. Некоторые из них представляют интерес не только для лингвистов, но и для историков, литературоведов — для всех тех, кто имеет отношение к древнерусской письменной культуре и к вопросам источниковедения.

Основные положения, определившие направление работы сектора и в известной мере содержание сборников, изложены в статье С. И. Коткова «О предмете лингвистического источниковедения» (№ 3). Лингвиста в отличие от историка и литературоведа, пишет С. И. Котков, в источнике интересует прежде всего его языковая сторона. Помимо общих для этих наук источников, каждая из них, в том числе и языкознание, располагает особыми источниками, которые другими науками по большей части не используются. Выделение лингвистического направления в источниковедении связывается в статье и с необходимостью дальнейшей разработки типов и принципов лингвистического издания. Вопросы издания памятников, рассматриваемые наряду с другими обычно археографией, С. И. Котков считает компетенцией также специализированного источниковедения, полагая, что за археографией «должно остаться общее, формальное описание источников, удовлетворяющее условиям первичного, не дифференцированного по специальностям накопления с ними исследователей» (стр. 7). В статье дано определение лингвистического источника, отличающееся большой широтой и охватывающее все читаемое и прослушиваемое — от написанного текста до записи речи на магнитофонной ленте. Лингвистические источники разделены на «объективно сложившиеся» и «источники с заданными

свойствами», в образовании которых сами лингвисты принимают непосредственное участие (записи устной речи при помощи обычного письма, транскрипции и магнитофона, ответы на лингвистические вопросы, составленные по известной программе), а также «вторичные источники с заданными свойствами» (картотеки и словари). В лингвистическом источнике различаются две стороны: «лингвистическая содержательность» и «лингвистическая информационность». Первая определяется как «совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, предопределяемая его содержанием и его отнесенностью к тому или иному языку или диалекту, а также степенью проникновения науки в материю языка. В некоторых категориях источников (художественная литература и публицистика) характер лингвистической содержательности предопределяется... и стилистическим моментом» (стр. 8). Вторая — как «прямая или косвенная отраженность в нем лингвистических данных» (стр. 9). «Область науки, — пишет С. И. Котков — которую мы предлагаем назвать лингвистическим источниковедением, — изучение упомянутого рода источников, однако не во всем объеме, а только со стороны их лингвистической содержательности и информационности. Если говорить точнее, предмет лингвистического источниковедения — выявление, аннотирование и систематизация рассматриваемых в этом аспекте источников и разработка научных оснований их эдичонного воспроизведения» (там же) ¹.

Проблемы оценки источника с точки зрения отражения в нем данных того или иного языка, возможности использовать его в том или ином аспекте лингвистического исследования всегда вставали перед исследователями и находили в их работах то или иное практическое решение. Об этом свидетельствуют как успехи и достижения русского исторического языкознания в прошлом и настоящем, так и издания русских и славянских памятников письменности лингвистами. В трудах А. Х. Востокова, Ф. И. Буслая, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Л. Л. Васильева, Н. М. Каринского, Н. Н. Дурново и др. вырабатывались критерии оценок того, как и в какой мере написание источника можно отождествлять с фактом языка. Однако источниковедческие проблемы в целом не были суммированы и теоретически осмыслены в применении к лингвистике.

¹ То же определение повторено С. И. Котковым в статье «О развитии лингвистического источниковедения» (ВЯ, 1968, 2, стр. 142).

С. И. Котков предпринял первую по существу попытку восполнить этот пробел. Предложенное им решение представляется предварительным и в известной мере дискуссионным.

В основе любого источниковедения лежит задача выявления факта данной науки и установления его достоверности. Для языкознания факт, извлеченный из источника, можно считать фактом языка, если установлена его языковая (и диалектная), временная и жанрово-стилистическая принадлежность, т. е. установлена его языковая достоверность. Между тем, момент выявления факта и установление его достоверности автором статьи вообще не рассматриваются.

Задачи лингвистического источниковедения сведены в статье по существу к выявлению, аннотированию и установлению принципов публикации источников с «лингвистической содержательностью и информационностью». Тем самым общее и, с нашей точки зрения, главное — выявление в источнике языковых фактов — оказалось подчиненным частной задаче.

Термин «лингвистическая содержательность», введенный вместо традиционного «языковой факт», представляется мало удачным, а главное не заменяющим и не отменяющим старый. Если «лингвистическая содержательность» — «с о в о к у п н о с т ь (разрядка наша — Т. С.) заключенных в источнике лингвистических данных», то очевидно, что, например, в Остромировом евангелии, представляющем русский список с восточно-болгарского перевода, их будет две, а для русских списков Исторической падеи, восходящих к среднеболгарскому протографу древнеболгарского перевода, придется говорить о трех «лингвистических содержательностях». То же придется говорить и о списках оригинальных памятников. Иными словами, в определении С. И. Коткова этот термин невольно выступает как синоним языковой характеристики памятника. Его объяснительная сила невелика также применительно к источникам с заданными свойствами и к источникам вторичным, если они, конечно, не представляют собрания случайных записей.

Утверждение, что в лингвистическом источниковедении источники изучаются «не во всем объеме, а только со стороны их лингвистической содержательности и информационности» (стр. 9), справедливо не для всех случаев. Для лингвистических источников, представленных материалами деловой письменности, частной переписки, автографами литературных произведений, где авторство, территориальная и временная принадлежность по большей части известны из них самих, объем и характер источниковедческого анализа будет иным, чем для памятников иной жанровой принадлеж-

ности. Памятники древнерусской письменности, литературные, культовые, как правило, представлены списками, они не содержат прямых указаний на время и место их написания (кроме рукописей, имеющих соответствующие записи), отсутствует в них и указание на авторство. Собственно лингвистическому анализу в таких случаях должно предшествовать историко-филологическое исследование, включающее как необходимый этап палеографическое исследование, чтобы поставить исследуемый памятник в круг датированных и локализованных рукописей, а извлеченным из него языковым фактам дать характеристику со стороны их временной и диалектной принадлежности. Для списка произведения, особенно переводного, не исключена и необходимость предварительного текстологического анализа, чтобы ясно представлять, в каких своих частях памятник характеризует язык времени, к которому относится список, а в каких — язык протографа или оригинала.

Думается, что лингвистическое источниковедение — особое направление прежде всего в историческом языкознании. Основная задача его — изучение письменного источника всеми доступными исследователю методами (включая, наряду с собственно лингвистическими, методике палеографического, текстологического анализа, а также использование в каких-то случаях данных эпиграфики, сфрагистики, дипломатики и т. п.) в объеме, достаточном для извлечения из источника языковых фактов и их лингвистической интерпретации. При таком понимании основной задачи естественно будет признать, что исследования по лингвистическому источниковедению в каких-то случаях с неизбежностью перерастают и будут перерастать в исследования по истории языка — точно так же, как исследования по историческому источниковедению граничат с собственно историческими исследованиями.

Отнесение магнитофонной записи текста на современном языке (в разных его функциональных вариантах), где известны информант, место и технические условия записи, к письменным источникам представляется формальным. Текст в них воспринимается на слух, как любая звучащая речь, и легко корректируется непосредственным слуховым восприятием.

Статья О. А. Князевской «Орфография и отражение в письме явлений языка (на материале рукописей XI—XIV вв.)» (№ 3) имеет информационно-методический характер. Автор справедливо считает, что не всякое «нерегулярное» написание рукописи можно считать отражающим живое произношение, однако, иллюстрируя это положение, дает неточное объяснение тому, почему написание *къ* сѣбѣ княнѣ из Московского

евангелия 1358 г. «не могут быть признаны отражением мягкости *к* в говоре писца (хотя буква *ь* в данном памятнике употребляется как знак мягкости предшествующего согласного). Такое предположение, — пишет автор, — не подкрепляют факты письма других рукописей» (стр. 68). Однако известно, что русские рукописи XV в., не говоря уже о южнославянских рукописях XIV в., содержат написание такого же рода. Но эти написание, как и написание в Московском евангелии, не свидетельствуют о мягкости *к*, а являются данью определенной орфографической моде.

Специфика изучения языковых особенностей памятников традиционного содержания — предмет рассмотрения Л. П. Жуковской в статье «Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник (их значение и методика исследования)» (№ 2). Наличие в них разнообразных по характеру языковых различий проиллюстрировано примерами из списков апостола и списков евангелия. Бесспорным представляется положение автора, что лингвистическое изучение таких памятников должно проводиться с учетом их истории, с учетом того, что некоторые части в списках переводных памятников «могут восходить к особым переводам и редакциям, осуществленным в разных славянских землях и притом не одновременно» (стр. 35), что лингвистическому исследованию в каких-то случаях должно предшествовать текстологическое исследование. Конкретные примеры текстологического анализа Юрьевского евангелия 1118—1128 гг. и Архангельского евангелия 1092 г., необходимого для правильного суждения о языковых особенностях этих рукописей, даны в двух статьях того же автора: «Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников» (№ 4) и «Новые данные об оригинале русской рукописи 1092 г.» (№ 3). Однако вывод Л. П. Жуковской в названной выше статье о том, что лингвистическое изучение памятников традиционного содержания должно проводиться... с предварительным выявлением языковой (диалектной) принадлежности не только отдельных списков, но также групп и семей, в которые эти списки входят» (№ 2, стр. 35), выглядит неожиданно, так как непонятно, какое же лингвистическое изучение здесь имеет в виду автор.

По проблематике к работам Л. П. Жуковской близка статья Т. А. Сумниковой «К проблеме перевода Исторической палеи» (№ 6). Сняв в 13 известных ей русских списках XV—XVII вв., восходящих текстологически к одному переводу, графико-орфографический слой, который можно объяснить вторым южнославянским влиянием, автор пришла к выводу, что в основе списков Исторической палеи

лежит южнославянский протограф среднеболгарского периода первой половины XIII в. Здесь же намечены возможные пути определения времени и места перевода его с греческого языка на славянский.

Важный вопрос, каким должно быть лингвистическое исследование, предваряющее текстологические выводы, освещается в статье Л. П. Жуковской «Лингвистические данные в текстологических исследованиях» (№ 6).

В 1961 г. сектор выпустил брошюру «Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (сост. О. А. Князевская при участии С. И. Коткова) с ориентацией на два типа воспроизведения текста (фотомеханическое и наборное)². Разъяснения «Правил» и существенные добавления к ним содержат прежде всего следующие статьи сборников: С. И. Котков «О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками»; О. А. Князевская «Некоторые вопросы словоделения текста»; Р. В. Бахтурина «Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов» (№ 1); В. Ф. Дубровина «О привлечении греческих параллелей для прочтения переводных славяно-русских текстов» (№ 2). С. И. Котков считает, что при всех достоинствах фотомеханического воспроизведения рукописи оно не может быть применимо в случаях плохой сохранности и читаемости текста, при наличии помяток, обилии исправлений. При этом типе воспроизведения текста затруднено чтение из-за неразделенности текста на слова, исключено подстрочное комментирование. Фотомеханическое воспроизведение желательно лишь для рукописей уникальных и известных в качестве образцов древнерусской письменной культуры, написанных уставом или полууставом, осложненных диакритикой. Но и в этом случае фотомеханическое воспроизведение текста должно сопровождаться наборным. Р. В. Бахтурина также ориентирует читателя на воспроизведение набором скорописного текста.

Прочтение текста рукописи, уяснение его смысла — необходимое предварительное условие его дальнейшего изучения и публикации. При слитном письме XI—первой половины XVII вв. у издающего рукопись в ряде случаев возникают затруднения с разделением текста на слова. Наиболее распространенные из них рассмотрены в статье О. А. Князевской. В. Ф. Дубровина показывает, что в ряде случаев, когда текст

переводного памятника допускает возможность двоякого разделения на слова, правильное решение может быть подсказано греческой параллелью, и приводит примеры из Изборника 1076 г. и Синайского патерика XI в. Привлечение греческих параллелей позволяет обнаружить изменения первоначального написания отдельных слов в славянском тексте и замену одних слов другими, близкими по внешнему облику в славянском или греческом.

В статье Р. В. Бахтуриной проанализированы некоторые издания историков с точки зрения передачи графико-орфографических и языковых особенностей издаваемой рукописи. В результате ею сделан вывод, что за редким исключением («Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М., 1950 и «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.», т. 1, М., 1952; т. 2, М., 1958) эти издания непригодны для разрешения ряда фонетических и морфологических проблем. О необходимости точного прочтения и воспроизведения текста памятника в изданиях говорится также в статьях А. Н. Робинсона «Вопросы издания древнерусского памятника по автографу (Жития Аввакума)» (№ 2) и В. С. Голышенко «Замечания к изданному тексту Слова Ипполита» (№ 6). В последней заключен конкретный перечень ошибок в изданиях К. Н. Невоструева и И. И. Срезневского одной из древнейших рукописей XII в.

С. И. Котков и Р. В. Бахтурина в названных статьях обращают особое внимание на чтение скорописных текстов. Известно, что скоропись, особенно беглая, в отличие от полуустава и устава, имеет большее число разных начертаний одной буквы и совпадений в одном начертании разных букв (например, е и и, ъ и ѣ, ѣ и ѥ, н и к, ы и я и др.), что затрудняет чтение и правильное понимание текста. Р. В. Бахтурина убедительно показала, что публикация оказывается далекой от оригинала, если прочтению не предшествовало установление системы букв во всех их графических вариантах, с учетом отождествления одного знака с разными буквами в случаях их совпадения. Особенно плодотворными нужно признать наблюдения автора над вариантами букв ѣ и ѥ в скорописи и способами различения букв ѣ и ѥ, так как от правильной передачи их в издании зависит, в частности, суждение о категории мягкости — твердости в языке писца. В статье И. С. Филипповой «Об употреблении ѣ и ѥ в московских рукописях XVII в.» (№ 4) автор также пишет о необходимости «особенно тщательно подходить к определению встречающихся в рукописи написаний (буква ѣ или буква ѥ) и к передаче их в публикациях»

² Отдельные спорные положения «Правил» отмечены Л. С. Ковтун. См. «Обзор работ Института русского языка АН СССР по библиографии, источниковедению и изданию памятников», «Р. яз. в шк.», 1968, 3, стр. 106—107.

(стр. 139). Однако вывод о том, что «колебания писцов в выборе букв ъ и ь в большинстве случаев... отражают закономерные явления в развитии русского языка» (там же), недостаточно подкреплен фактами; при анализе приведенного материала не всегда учитываются фонетические позиции ъ и ь в слове, а также история развития категории мягкости — твердости в определенных морфемах.

На необходимость передачи в изданиях особенностей пунктуации в текстах XVII в. обращается внимание в статьях И. С. Филипповой «Из наблюдений над элементами пунктуации в скорописи» и А. С. Орешникова «Заметка о пунктуации в московских документах XVII в.» (№ 2).

«Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности» ориентированы на издания, осуществляемые лингвистами; в названной статье С. И. Коткова говорится о возможности и необходимости совместных изданий лингвистами и историками многих типов памятников деловой письменности, различного рода грамот, записей. Здесь же приведены конкретные предложения по транслитерации текста, по восполнению слов при сокращенном их написании, рассмотрены случаи передачи слияния звуков на стыке морфем (типа *взял собю, вывать* и т. п.), объем и характер подстрочных примечаний, употребление пунктуации. Эти предложения кое в чем отличаются от рекомендаций в «Правилах», но обеспечивают сохранение языковых особенностей текста.

Большое место в сборниках отведено разным типам аннотирования лингвистических источников. Обзорению лингвистических источников, которыми располагает Институт русского языка АН СССР, посвящен специальный сборник «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка» (№ 5). В нем перечислены все лингвистические материалы, накопленные ленинградскими и московскими учреждениями Академии наук за время ее существования. Это — словарные картотеки современного и древнерусского языка, материалы по морфологии, словообразованию и синтаксису, материалы по языку отдельных писателей, различные диалектологические материалы и фонотеки с записями литературной и диалектной речи. Книга знакомит читателя с методикой собирания картотек, раскрывает принципы, по которым они составлялись. Краткая характеристика имеющихся в архивах страны материалов и оценка их значимости для лингвистических исследований дается в статьях: В. И. Тагунова «Рукописи Муромского музея» (№ 1); З. Д. Попова «Рукописи XVII—XVIII вв. в Курском областном архиве»; В. А. Скореев, В. И. Собиинникова «Памятники письменности XVII—XVIII вв. в Воро-

нежском областном архиве»; В. И. Тагунова «Из рукописей Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника» (№ 4); С. И. Котков, Н. Ф. Савченко «Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве»; А. Н. Качалкин «Из материалов Ростовского областного архива» (№ 6). Эти описания, несмотря на неполноту, определяющуюся субъективными интересами и степенью подготовленности описывающих, оказываются достаточными для предварительного ознакомления лингвиста с описанными фондами и могут способствовать дальнейшему целенаправленному поиску. Полезен обзор Н. М. Дылевского «Русские и украинские рукописи и старопечатные книги в болгарских книгохранилищах» (№ 4) и «Описание рукописей Успенского Кремлевского собора (ГИМ инв. № 80 370)», сделанное Г. И. Истоминым и М. Н. Сперанским (вводная заметка, примечания и подготовка к печати В. Д. Кузьминой) (№ 2).

О. А. Князевская в статье «О лингвистическом аннотировании древнерусских рукописей» (№ 2) считает, что древнерусские рукописи должны иметь свои краткие специально лингвистические аннотации. Но какие именно? Автор статьи признает, что в аннотации должны содержаться общие сведения о рукописи, археографические данные и палеографические приметы, что рукопись должна быть охарактеризована со стороны содержания, состава, наличия в ней записей и приписок, что нужно указать публикации текстов из рукописи, исследования о ней — лингвистические, палеографические, исторические и др., что в лингвистической части аннотации должны содержаться «суждения об особенностях употребления тех или иных букв и буквенных сочетаний, весьма ограниченно иллюстрируемые примерами», а «о тех или иных фактах письма только сообщаться» (стр. 10). Возникает вопрос, что же остается на долю обычного филологического описания древних рукописей, в хороших образцах которого в прошлом и настоящем всегда присутствует указание на языковую, а иногда и диалектную принадлежность рукописи, на орфографические и языковые особенности ее. Описание известной в науке рукописи 1219 г. с Житием Нифонта (ГБЛ ф. 304, № 35), приведенное в качестве образца такого рода аннотации, не отличается краткостью и не рассеивает недоумений.

Весьма целесообразно практикуемое в сборниках аннотирование отдельных типов письменных источников, объединенных по жанру, по содержанию, по назначению или по месту их написания. Так, материалы деопроизводства Деянежного стола в составе Разрядного приказа за 1612—1770 гг. стали предметом рассмотрения Н. С. Котковой в

статье «Книги Денежного стола» (№ 3). Автор убедительно показывает, что приходно-расходные книги, написанные на юго-востоке и юго-западе степного края, являются «ценным источником для изучения фонетики, морфологии, лексики и в меньшей мере синтаксиса русского языка XVII в., в частности его великорусского наречия» (стр. 190). Писцовые, дозорные и переписные книги, для составления которых на места посылались должностные лица с дьяками и подьячими московских приказов, — предмет рассмотрения И. С. Филипповой в статье «К лингвистическому изучению писцовых книг» (№ 3). Известно, что в работах по исторической акцентологии русского языка обычно использовались данные акцентированных рукописей, написанных полууставом. А. И. Сумкина в статьях «Акцентированные рукописи XVII в.» (№ 4) и «Письма П. В. Постникова (конец XVII — нач. XVIII в.)» (№ 6) обращает внимание на существование в фондах ГИМ и ЦГАДА аналогичных рукописей, написанных скорописью; она анализирует их с точки зрения отражения особенностей ударения в различных лексико-грамматических категориях. З. М. Плискевич в статье «Некоторые сведения о дмитровских грамотах XV—XVII вв.» (№ 6) отмечает, что во всех исторических архивах при каталогизации документов не всегда учитывается место написания документа. Выявленные ею в фондах ЦГАДА 75 дмитровских грамот охарактеризованы со стороны отражения в них особенностей дмитровских говоров. В статье Н. В. Подольской «Надписи на предметах и зданиях — лингвистический источник (по материалам XI—XIV вв.)» (№ 4) этот род памятников охарактеризован в общелингвистическом плане; лингвистический аспект рассмотрения в ней отсутствует. В статье Н. С. Котковой «Названия русских бортовых знамен — историко-лингвистический источник» (№ 2) показано, что названия знаков собственности в бортовых угодьях Северской земли XV—XVII вв. отражали ее бытовую лексику. Н. И. Тарабасова в статье «К изучению текстов, писанных русскими со слов перусских» (№ 6) показывает, что деловые документы среди этого рода источников ничем не отличаются от деловых документов с записями русских слов и вопреки сложившейся традиции могут рассматриваться как возможные источники для изучения русского языка. В статье С. И. Коткова «Современные русские художественные тексты и история языка» (№ 4) показана возможность использовать в качестве источника по истории русского языка включения из старинных текстов и диалектные факты в современных художественных текстах.

Источниковедение не может обходиться без данных палеографии; оно заинтересовано в ее развитии. Признаки начертаний букв по векам в почерках русских рукописей были уточнены выдающимися палеографами и лингвистами прошлого А. И. Соболевским и В. Н. Щепкиным. Развивая их идеи и используя методику В. Н. Щепкина, В. Я. Дерягин и О. В. Творогов обратились к рукописям, написанным на бумаге. Правда, в распоряжении исследователя рукописи, не имеющей даты, но написанной на бумаге, есть вполне надежный способ определения времени ее написания — по совокупности филиграней. Однако в ряде случаев, когда водяной знак один и отличается к тому же широким периодом употребления (кувшин, голова шута, герб г. Амстердама и др.), уточнить время написания рукописи можно по почерку: в полууставе — по характеру выносных букв, в скорописи — по характеру связанных написаний. В этом отношении заслуживает внимания статья В. Я. Дерягина «Связные написания в северных актах XVI—нач. XVII вв.» (№ 3). Наблюдения над графикой 130 датированных актов, написанных на территории русского Севера в 1510—1629 гг., и сопоставление этой графики с графикой актов, написанных в то же время в Москве, позволило автору, выявив некоторые датирующие признаки в скорописи северных актов, сделать ряд важных для палеографии выводов: 1) тип почерка, рассматриваемый обычно как скоропись XV в., в северных актах «является единственным в документах до 30-х годов XVI в.» (стр. 204); 2) с 50-х годов безраздельно господствует беглая скоропись; 3) «в центре России все графические новшества появляются, по-видимому, несколько раньше» (стр. 209). Статья О. В. Творогова «О выносных буквах в русских рукописях XV—XVII веков» (№ 4) содержит ряд интересных соображений о путях развития системы выносных букв и связи ее с другими типами сокращенных написаний. Однако уточнение датирующих признаков в характере выносных букв следовало бы провести прежде всего на основании рукописей, имеющих дату написания, и к тому же с учетом территории или культурного центра, где они были созданы.

Наряду со статьями теоретического характера ряд статей сборников представляет образцы практического применения палеографического анализа. В. С. Голышенко в статье «К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в.» (№ 2), применяя методы палеографического анализа, подкрепляет конкретным материалом гипотезу А. И. Соболевского о существовании в Ростове библиотеки епископа Кирилла. Статья Е. М. Сморгуновой «Древнейший московский рукописный

памятник. Палеографическое описание и вопрос об оригинале рукописи 1339 г. БАН № 338» (№ 3) содержит обстоятельное палеографическое описание древнейшей из сохранившихся датированных рукописей московского происхождения, списанной, как показал анализ ее орфографии, с галицко-волинского оригинала. Существенное дополнение к статье в части, касающейся прочтения даты в похвале великому князю Ивану Даниловичу Калите, содержится в статье Н. А. Мещерского «К изучению ранней московской письменности» (№ 6). Все-сторонне исследовав запись с учетом византийского и еврейского календарей, автор статьи приходит к выводу, что запись в евангелии сделана не в 1339 г., как считалось раньше, а 25 февраля 1340 г. Предмет описания О. В. Малковой в статье «Палеографическое описание галицко-волинской рукописи XII в.» (№ 2)—также датированная рукопись, Добрилово евангелие 1164 г. К сожалению, основной вывод автора: «почерк и орнамент рукописи не противоречат дате, указанной в записи» (стр. 78) наряду с утверждением: «устав, которым писана рукопись, переходного типа от почерков XI — начала XII в. к почеркам XIII в.» (стр. 68) — недостаточно подкреплён сравнением с другими рукописями. Между тем сопоставление почерка и оформления Добрилова евангелия с другими рукописями XI—XIV вв. могло бы показать, что в Галицко-Волинской земле, где было написано евангелие, новообразования в почерке и художественном оформлении появились раньше, чем на

остальной территории древнерусского государства. После утверждений: «разница в употреблении ъ, ь не обусловлена различными почерками» (стр. 69), «заглавия на лл. 46 г — 48 а написаны размаписто, небрежно и нехарактерны для основного почерка» (стр. 73)—неожиданно звучит вывод: «палеографические данные свидетельствуют также, что весь текст написан одним писцом, в том числе заглавия» (стр. 73). Убедительным представляется вывод Д. С. Ищенко в статье «Старейший русский список студийского устава (Палеографическое описание)» (№ 4) о том, что рукопись «написана около 1170 г.» (стр. 156). К сожалению, в статье не оговорено, что буква ъ в рукописи состоит из букв ъ и і. Буква ы — принадлежность более позднего времени. Употребление ее в статье без каких бы то ни было разъяснений способно ввести читателя в заблуждение. Следовало бы оговорить, что буква у в каких-то случаях, судя по приведенным на стр. 159—160 написаниям, выполняла роль ижицы.

О вышедших сборниках в целом нужно сказать, что на их страницах подняты вопросы, которые представляют интерес для разных специалистов, так или иначе связанных с проблемами источниковедения. Для лингвистов особенно желательно было бы, чтобы в будущих сборниках по источниковедению нашли дальнейшее развитие и обоснование идеи лингвистического источниковедения.

Т. А. Сумникова